

СУДЬБА ЧЕТЫРЕХ «БЕСТУЖЕВОК»

Судьбы петербургских интеллигентов, юность которых совпала с началом XX века, драматичны и поучительны. Об этом поколении С. С. Аверинцев сказал: «Стоит ли заниматься историей поколения людей, сберегших внутреннюю независимость, однако злой судьбой чаще всего лишенных возможности оставить нам что-нибудь, кроме некоторого количества стихотворений и весьма специальных, порой быстро устаревающих ученых трудов? Для меня такого вопроса нет. Даже те, кто не смог сделать больше ничего или почти ничего, воспитали нас. Без них нас не было бы»¹.

Предметом настоящей статьи являются биографии нескольких представительниц этого поколения. В юности их сблизили общие интересы на историко-филологическом отделении Высших женских (Бестужевских) курсов (ВЖК), дальнейшая их жизнь была связана с Публичной библиотекой, — ставшей в трудное время прибежищем для русской культуры. Одни подолгу трудились в этих стенах, другие имели к библиотеке отношение хотя и косвенное, но оставившее заметный след.

Сохранилась добротная выполненная фотография 1900 года, запечатлевшая молодые лица трех «бестужевок»: Ольги Павловны Захарьиной, Надежды Степановны Враской и Александры Андреевны Константиновой². О. П. Захарьина и А. А. Константинова были ровесницами, 1871 года рождения, Н. С. Враская — младше, она родилась в 1878 году. Но на историко-филологическом отделении ВЖК время их учения почти совпало. Все они были ученицами И. М. Гревса³ (который пришел на ВЖК в 1892 году) и специализировались на западноевропейской истории.

Небезынтересны некоторые сведения их родословных.

О. П. Захарьина была дочерью Павла Александровича Захарьина, сына Александра Алексеевича Яковлева⁴, старшего брата Ивана Алексеевича Яковлева — отца А. И. Герцена. А родной сестрой Павла Александровича была Наталья Александровна Захарьина, в будущем жена Герцена. Следовательно, по отцу О. П. Захарьина была племянницей Н. А. Герцен и двоюродной племянницей А. И. Герцена. Ее отец был врачом, имевшим личное дворянство, а мать, Варвара Николаевна Семичева, — учительницей. В анкете (от 20 августа 1924 года) Захарьина указала в графе «социальное положение»: «потомственная почетная гражданка»⁵. Не исключено (если учесть ее величайшую скромность), что это звание казалось ей созвучным револю-

О. П. Захарьина, Н. С. Враская, А. А. Константинова

ционному духу времени (по ассоциации с популярным термином Французской революции — *citoyen*), больше она в анкетах его не повторяла, а о дворянстве вообще не упоминала никогда.

На ВЖК О. П. Захарьина пришла после Екатерининского института, окончив его с шифром⁶ в 1895 году. Там она познакомилась и на всю жизнь подружилась с А. А. Константиновой. Отец последней, богатейший помещик, как пишет его внук Д. В. Константинов, «сочетая вольтеровское вольномыслие с православной обедней <...>, попал в орбиту декабристского заговора. За косвенное участие в восстании декабристов он отделался сравнительно легко — пожизненной ссылкой в свое родовое имение Андреевку Херсонской губернии»⁷. Там он женился на крепостной, от этого брака и родились Александра Андреевна и Василий Андреевич. Сына брата, своего племянника Дмитрия Васильевича А. А. Константинова растила как родного сына, а он называл неразлучных Ольгу Павловну и Александру Андреевну «своими тетушками». Правда, необходимость опекать племянника возникла значительно позднее, уже по окончании подругами ВЖК.

А. А. Константинова училась на историческом факультете в подгруппе истории и теории искусства. «Страстная сторонница эмансипации женщин, ушедшая целиком в научные интересы и, в частности, в область гуманитарных наук <...> и вместе с тем истая почитательница православия <...>, горячая, вспыльчивая, настоящий „кипяток“, как говорили о ней ее друзья, глубоко принципиальная, идеально честная и великодушная, она привлекала к себе десятки людей, обожавших ее»⁸. О. П. Захарьина в этом союзе была примером кротости, доброты, необычайных человеколюбия и честности. При этом она была эрудит, все ее работы, начиная с бестужевских времен, отличались глубиной и основательностью.

Их подруга Н. С. Враская (на фотографии в центре) была по характеру ближе к О. П. Захарьиной, хотя в молодости обладала романтической горячностью и мягким лиризмом. Ее отец, Степан Борисович Враский, был видным юридическим чиновником (с 1910 года сенатором и членом Государственного совета), мать, Мария Васильевна, — урожденная Завойко, дочь вице-адмирала, героя обороны Камчатки 1854 года. Принадлежа, как и подруги, к старинному дворянскому роду, Н. С. Враская была захвачена революционно-демократическими идеями, распространившимися в студенческой среде. Это и привело ее на площадь к Казанскому собору 4 марта 1901 года. В переписке В. В. Стасова есть письмо, посвященное этому событию: «Приезжаю в Библиотеку уже в третьем часу. Там меня уже давно ждет Матрена <...>, бывшая кухарка Елизаветы Клементьевны, а теперь служащая у Сони Медведевой⁹. Она берет меня поскорее в сторону и шепотом объяв-

ляет, что „вчера, мол, случилась беда! Софья Васильевна с утра ушла на Казанскую площадь со своей товаркой и сожительницей, Надеждой Враской, и обе они с Казанской уже домой не воротились“⁴. <...> Соня и Надежда арестованы на площади и сидят в Спасской части»¹⁰. Следствием этих событий стала высылка Н. С. Враской на Кавказ, ей было запрещено жить в российских столицах, — однако вскоре она получила разрешение выехать для продолжения научных занятий в Германию (С. В. Медведева была «взята на поруки» благодаря хлопотам В. В. Стасова).

Отзвуком этих социальных волнений (не единственных в истории ВЖК) воспринимаются слова И. М. Гревса, сказанные им однажды (в 1900-х) курсисткам историко-филологического отделения в начале учебного года: «Я убежден, что не могу ограничиться одним чтением лекций. Я считаю своим долгом предложить вам более близкое и активное руководство в вашей работе над наукой и готов явиться вашим старшим товарищем в разрешении важных вопросов жизни, которые уже волнуют вас и которыми вы скоро будете охвачены. <...> Меня смущает трудность добиться от вас настоящего понимания, широкого сочувствия и полного доверия, трудность, вытекающая, правда, часто из не зависящей от вас сложности общественной атмосферы, в которой вы дышите, но в значительной степени объясняемой и собственными свойствами вашей юности, неподготовленностью и односторонностью мышления, стремительностью чувств <...> и быстротой ваших решений»¹¹. Эти слова делают ощутимой и понятной атмосферу дружеского доверия, уважения и ответственности друг за друга не только между слушательницами и «падре» (как называли Гревса курсистки), но и в их взаимных отношениях. Героиням настоящего очерка удалось сохранить ее на всю жизнь.

Н. С. Враская и О. П. Захарьина закончили курсы в 1900 году, А. А. Константинова — в 1901 г. Затем их жизненные пути на время разошлись. Надежда Степановна, получив разрешение уехать из Тифлиса за границу, училась в университете Гейдельберга, занималась в архивах Парижа, Берлина и Йены. В 1905 году она защитила диссертацию на степень доктора философии, посвященную жизни и трудам А. Г. Ф. Ребмана¹². Благодаря ее трудам имя этого публициста и философа времен Французской революции было возвращено из забвения в историю немецкой культуры. В 1907 г., вернувшись в Петербург, Враская преподавала историю на ВЖК, с 1908 по 1914 годы училась в Сорбонне и занималась историей Французской революции. В августе 1914 г., находясь в Париже, Надежда Степановна поняла, что надвигается война России с Германией, и вернулась в Петербург, где продолжила преподавание истории на ВЖК до осени 1917 г.

А. А. Константинова по окончании ВЖК уехала в Европу, много по ней путешествовала, особенно полюбила Италию. Она свободно говорила на французском, немецком и итальянском, училась в Берлинском университете (изучала там искусство западного Средневековья и итальянского Возрождения), в Сорбонне, а докторскую диссертацию «Развитие типа Мадонны в искусстве итальянского Возрождения» (написанную по-немецки) защитила в 1907 году в Цюрихском университете¹³. Впоследствии (в 1908 г.) по-русски вышла ее монография «Мадонны Леонардо да Винчи», глубокий историко-искусствоведческий обзор выбранной темы, от первых изображений Мадонны в римских катакомбах до Мадонн Леонардо да Винчи, его учеников и последователей. Вернувшись в Петербург, с 1908 года Александра Андреевна возглавляла кафедру западного искусства на ВЖК.

О. П. Захарьина по окончании ВЖК некоторое время жила в своем наследственном имении Холомерье Витебской губернии. Очарование этого места отражено в фотографиях альбома, хранящегося в РНБ¹⁴. На них изображен большой двухэтажный дом с верандами, южной и северной, поддерживаемыми колоннами. Южная веранда выходила на озеро и расположенные за ним просторы, леса, рощи, деревни. На других фотографиях — большой сад с березовыми аллеями, мостиками, столом из мельничного жернова, столовая, похожая на столовую в Ясной Поляне: висячая лампа, стол со скатертью, яблоки на столе, кафельная печь. В этот дом съезжались родственники и друзья, летом часто гостила А. А. Константинова — сначала одна, а потом с племянником Д. В. Константиновым, в воспоминаниях которого имеется подробное описание Холомерья.

В это время Захарьина занималась переводом 3 — 6 томов «Истории общественного строя древней Франции» Н. Д. Фюстеля де Куланжа¹⁵, которые вышли в 1907 — 1916 годах под редакцией И. М. Гревса. Интерес Ольги Павловны к названной работе, конечно, поддерживался Гревсом, считавшим Фюстеля де Куланжа своим учителем. В 1908 г. Захарьина вернулась на ВЖК, стала заведующей семинарской библиотекой историко-филологического отделения и прослужила там до сентября 1917 года.

Именно в 1908 году, когда жизнь привела героинь этого очерка на родное историко-филологическое отделение, они познакомились с Лидией Иосифовной Новицкой¹⁶. Последняя родилась в 1889 году в семье потомственных дворян, ее отец, Иосиф Иосифович Новицкий, был крупным чиновником Министерства финансов, мать, Любовь Яковлевна, — урожденная Киркор. Л. И. Новицкая закончила гимназию княгини Оболенской с золотой медалью, слушательницей ВЖК стала в 1906 году, занималась там в группе всеобщей истории историко-филологического отделения, окончила курс в

1912 г. В 1912 же году с группой слушательниц Дантовского семинара она совершила поездку по Италии. И. М. Гревс написал о Новицкой: «В ней нет показного блеска и героизма; и наружность ее с первого взгляда незаметная: маленький рост, неправильные черты лица; но мне ощущается в них, в глазах ее <...> своеобразная, милая, притягивающая красота. Особенно же внутри ее покоится и мягко сияет кругом на других дарованная ей особая благодать <...>. Если прав Ромен Роллан, когда сказал, что гений есть доброта, то в Лидии Иосифовне — искра гениальности. <...>. Эта доброта делает ее чуткою, проникательною и в научной работе, и в восприятии искусства, и в понимании жизни, и в отношении к людям: необычайная в ней наблюдательность и победоносная интуиция»¹⁷. По рекомендации Гревса, до 1915 года Новицкая была оставлена на ВЖК для подготовки к преподавательской деятельности. С 1912 по 1917 годы она также преподавала историю в Реальном училище В. П. Кузиной, в гимназии М. Д. Могилянкой, в школе при Экспедиции заготовления государственных бумаг. В 1915 году под руководством О. А. Добиаш-Рождественской¹⁸ Новицкая занималась описанием латинских рукописей Императорской Публичной библиотеки и подготовкой их к публикации. 11 сентября 1917 года ее приняли вольнотрудящейся в Отделение истории библиотеки, в штат зачислили в начале 1918 г.

О. П. Захарьина с 1908 по 1917 годы совмещала заведование семинарской библиотекой исторического факультета ВЖК с деятельностью в Обществе вспоможения окончившим курс Высших женских курсов и Обществе вспомоществования слушательницам Высших женских курсов. А. А. Константинова в те же годы заведовала кафедрой истории западного искусства ВЖК. С началом Первой мировой войны обе они, по свидетельству Д. В. Константинова, «все свое свободное время стали уделять госпиталю в качестве сестер милосердия. Из тети Саши выработалась прекрасная хирургическая сестра <...>. По вечерам в их квартире собиралось много народу. Здесь шилое белье и многие другие вещи, необходимые для защитников Родины»¹⁹.

Согласно тому же свидетельству, Февральскую революцию Константинова восприняла «с большим энтузиазмом. Она присутствовала в Таврическом дворце, где гарнизон присягал новому правительству. <...>. Тетя Саша была неутомима и бесстрашна... Она входила душой в революцию, принимая участие во всех собраниях, манифестациях, митингах»²⁰.

Между тем, летом 1917 года жизнь в Петрограде становилась все более напряженной. Захарьина и Константинова с племянником уехали в Холомерье. В августе А. А. Константинова получила письмо от брата о возрастающих волнениях в столице. Решено было ехать в Кисловодск, где жили

родственники О. П. Захарьиной. Ольга Павловна вызвала управляющего и крестьянских старост и отдала им ключи от всего в доме. С собой она взяла только самое необходимое.

Они приехали в Петроград в начале октября и зашли перед отъездом к Н. С. Враской, попрощаться с ней и ее семьей. Об этом прощальном визите С. Б. Враский написал, что Захарьина и Константинова выглядели взволнованными, огорченными и уехали 7 октября²¹. Вскоре в Кисловодске О. П. Захарьина получила от управляющего именем телеграмму: «Все разгромлено и разграблено». Д. В. Константинов написал позднее: «Я помню, как Ольга Павловна, оставаясь внешне совершенно спокойной, молча сидела над телеграммой. О чем-то долго и сосредоточенно думала. Только две крупные слезы скатились по ее бледным щекам. Потом тихо сказала: „Ну, что ж, Божья воля! Проживем и без Холомерья. А жаль, все мы так к нему привыкли“»²². В Кисловодске Захарьина служила в общественной библиотеке, а Константинова читала лекции по истории искусства в Народном университете. В 1921 году они вернулись в Петроград.

Еще осенью 1917 г. Н. С. Враской и ее мужу (с ноября 1914 года) Сергею Михайловичу Боткину предложили преподавание в Таврическом университете: ей — кафедре западной истории, ему — западноевропейских литератур. В октябре 1917 г. они уехали в Крым, жили сначала в Ялте, а в 1918 г. переехали в Симферополь, где открылся Таврический университет. Оба они любили Крым, у Враских была дача в Мисхоре. Но пребывание супругов там было недолгим: С. М. Боткин в сентябре 1918 года скончался от «испанки», лишь начав читать курс лекций в университете, Н. С. Враская после тяжелой болезни вернулась в Петроград в начале зимы 1918 — 1919 годов. С октября 1919 г. она стала преподавать новую историю на факультете общественных наук (ФОН) Петроградского университета, но как сверхштатный преподаватель. В 1922 году ей не удалось попытка поступить на работу в Публичную библиотеку. 29 июля 1922 г. профессор Н. И. Кареев²³ хлопотал о предоставлении Враской штатного места в университете: «На это звание дает ей право долговременное уже преподавание в высшей школе и степень доктора Гейдельбергского университета. <...> Конечно, если бы у нас было более штатных мест, Надежда Степановна Боткина имела бы право на одно из них, притом в первом разряде»²⁴. Однако весной 1923 года в университете прошла «чистка» преподавательского, а затем и студенческого состава. Надежда Степановна была уволена безо всякой мотивировки. В последующие годы, до начала 1930-х гг., она преподавала немецкий и французский языки на рабфаке ЛГУ, в Педагогическом институте имени А. И. Герцена и в Политехническом институте.

В 1923 году из университета был изгнан и И. М. Гревс. По этому поводу он написал: «Для симметрии моей биографии это очень подходит: одинаковое действие от различных режимов, свидетельствующее о моей верности себе <...> и о гораздо большей близости друг к другу обоих порядков, кажущихся столь различными. Мое преподавание признали „бесполезным“, и потому я „не нужен“. Я связан с университетом с 1879 г. <...>. Жизнь моя с ним срослась, и я проводил в нем всегда одну и ту же, казавшуюся мне правильной точку зрения, то есть независимость и беспристрастие науки, ищущей истины, от меняющихся настроений дня. <...>. Этого не уважали прежде наверху, не уважают и теперь»²⁵.

Л. И. Олавская (Новицкая)

А. А. Константинова, вернувшись из Кисловодска, с 1922 года преподавала в университете на ФОН. В 1923 году она тоже была уволена. О. П. Захарьина служила в Петроградской центральной библиотеке, где занималась главным образом библиотечной классификацией, и в Дискуссионном клубе ВКП(б). В декабре 1923 года, по рекомендации С. Ф. Ольденбурга²⁶, она перешла в Публичную библиотеку, в Кабинет иностранной литературы (КИЛ), под руководство Л. И. Новицкой, носившей после замужества фамилию Олавская²⁷. Кабинет новой иностранной литературы был создан в библиотеке

по инициативе Лидии Иосифовны в 1922 году. 2 февраля 1927 г. отмечалось его пятилетие. В «Октавах», посвященных этому событию, М. Л. Лозинский²⁸ написал:

Всего пять лет, а верится с трудом.
О призраки поры минувшей, где вы?
Преображен семипалатный дом
В богатые владенья внучек Евы,
Которые, окованные льдом,
Живут под властью строгой королевы
И с нежною заботой, как птенцов,
Духовной пищей кормят мудрецов <...>.

Две Лидии, Елизавета, Вера,
Шарлотта, Нина, Ольга! Я молчу.
Портреты ваши будущая эра
Найдет не здесь. Не то, что не хочу,
Но замысел подобного размера,
Скажу открыто, мне не по плечу,
А то бы был у русского народа
Каталог женщин после Гесиода²⁹.

К первой из приведенных октав имеется пояснение О. Б. Враской³⁰, племянницы Н. С. Враской: «„Семипалатный дом“ — КИЛ помещался там, где ныне помещается Отдел картографии, и продолжался (дверь на современную лестницу в столовую была закрыта) в помещении современного хранения групповой обработки, темное и следующее с окном»³¹.

Что касается выражения «окованные льдом», то это не метафора, а свидетельство о реальном холоде (при отсутствии отопления), несмотря на который зябнувшие «внучки Евы» с горячим энтузиазмом старались удовлетворить читательские запросы. М. Л. Лозинский назвал Кабинет новой иностранной литературы «окном в Европу». Как писала Лидия Иосифовна, посетители получали «немедленно любое имеющееся в Библиотеке новое иностранное издание»³².

И. М. Гревс, следивший за судьбой своих учеников, в 1923 году написал: «Лидия Иосифовна остается таким же прекрасным человеком, каким была всегда: библиотеквед первоклассный, друг безукоризненный, но жизнь ее слагается нелегко»³³.

С 1922 по 1929 годы на Л. И. Олавской лежала вся работа по комплектованию фондов иностранной литературой, ею же был организован сводный каталог новых иностранных поступлений в Публичную библиотеку. В 1930 году была проведена радикальная реформа ГПБ, включавшая реорганизацию фондов. Энтузиастами проекта, кроме Олавской, были М. Э. Орловская³⁴ и Б. Р. Зельцле³⁵. О. Б. Враская написала позднее: «До этого, с начала XIX века, каждое отделение было как бы библиотекой в библиотеке: оно заказывало по консультации со специалистами новые иностранные издания (особенно много лакун накопилось с 1914 по 1928 гг.), каталогизировало (каждое отделение по своим правилам), вело алфавитный и систематический каталоги (тоже каждое отделение по своим правилам и традициям), вело организацию фондов, выдачу изданий в читальный зал и КИЛ <...>. Профиль каждого из отделений был крайне нечеткий, каталоги этих фондов стояли там же, телефонов не было <...>. Функциональная система, введенная в 1930 г., во главу структуры Библиотеки поставила ее функции. По ходу работы с книгой возник Отдел комплектования, Отдел каталогизации, систематизации <...>. Отдел фондов и Отдел обслуживания»³⁶. Под началом Л. И. Олавской было создано Справочное бюро Публичной библиотеки, преобразованное в 1925 году в Справочно-библиографическое бюро, а в 1930 г. — в Консультационно-библиографический сектор (КБС), которым Лидия Иосифовна заведовала с 1930 по 1935 годы. Это было совершенно новое по широте поставленных задач направление в библиографической работе. По инициативе Олавской была организована Справочная библиотека (впоследствии ЦСБ), собравшая обширный справочно-библиографический фонд, систематизированный по типам изданий, — один из наиболее полных в стране.

Удавалось Олавской заниматься при этом и литературной работой. В 1931 году вышел выполненный ею превосходный перевод романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо». И по сей день все переиздания делаются с этого перевода (правда, часто без указания переводчика).

Но в начале марта 1935 года Олавская была арестована — «в порядке очистки Ленинграда от чуждых элементов». В следственном деле имеется ее записка начальнику НКВД Ленинграда, где она перечислила разнообразные направления своей деятельности: организация КИЛ, сводного каталога иностранных поступлений в библиотеки Ленинграда (впервые в стране), комплектование иностранных фондов ГПБ, организация справочной службы ГПБ (впервые в стране), преподавание на Высших курсах библиотекведения. «Мой рабочий день в Библиотеке начинается в девять утра и кончается в одиннадцать вечера. Ввиду изложенного прошу пересмотреть постановление о моей высылке и дать мне возможность продолжать работу в Ленин-

граде»³⁷. В эти же дни директор ГПБ М. М. Добраницкий³⁸ направил начальнику НКВД Ленинграда заявление, в котором написал: «Благодаря ее заслугам Публичная библиотека заняла в Советском Союзе бесспорно первое место в библиографической области <...>. Заменить Олавскую полноценным работником нет возможности. Работника этого масштаба в области библиографии в Ленинграде нет»³⁹. Тем не менее в начале апреля 1935 года Л. И. Олавская была выслана этапом в Чкалов (Оренбург), где стала работать калькулятором в обществе глухонемых, затем преподавать немецкий язык в школе, а впоследствии заведовать учебной частью. В Чкалове она жила со своей сестрой Верой Иосифовной Гераковой и ее дочерью Татьяной⁴⁰. В 1940 г. Олавская получила разрешение вернуться в Ленинград «на общих основаниях», но шел учебный год, и выехать из Чкалова удалось только весной 1941 г. Объявление войны застало ее в Москве. Она вернулась в Чкалов и продолжила там преподавать до лета 1945 г.

Что касается О. П. Захарьиной и А. А. Константиновой, то с середины 1920-х годов их биографии складывались следующим образом.

Ольга Павловна в КИЛе занималась каталогизацией. Владя английским, немецким, французским, итальянским, испанским, латинским и южнославянскими языками, она на основании знакомства с иностранной периодикой по библиотечным вопросам опубликовала ряд статей и рецензий. Также она выступала в НИИ книговедения с докладами по проблемам каталогизации и библиотековедения на Западе, с 1928 года занималась каталогизацией в Русском отделении ГПБ, работала над вопросами издания печатной карточки на русском языке. В 1930 г. Захарьина стала сотрудницей группы Русской книги Отдела обработки и была введена в Ученый совет ГПБ. В 1934 — 1935 годах она преподавала на Высших курсах библиотековедения и руководила несколькими дипломными работами, посвященными проблемам каталогизации в библиотеках США (в первую очередь речь шла о печатной карточке Библиотеки Конгресса и возможности ее применения при рекаталогизации Иностранного фонда ГПБ).

Александра Андреевна после увольнения из университета, с 1923 по 1928 годы, читала лекции на Высших курсах искусствоведения при Российском институте истории искусств. В мае 1926 г. она поступила на работу в Публичную библиотеку, затем занималась систематизацией русской и зарубежной искусствоведческой литературы в Отделе обработки, изучала миниатюры западноевропейских кодексов в Отделе рукописей (работа, которую она начала в сотрудничестве с О. А. Добиаш-Рождественской). Эти исследования способствовали распространению информации о фондах библиотеки не только в СССР, но и за рубежом. Так, в 1937 году в Чикаго была опубли-

кована большая статья А. А. Константиновой о миниатюрах средневековых рукописей из собрания ОР ГПБ⁴¹.

Александра Андреевна вышла на академическую пенсию в 1933 году, Ольга Павловна — в 1934 году, после чего продолжила работать в библиотеке. В 1936 году О. П. Захарьина стала старшим научным сотрудником.

В семье Д. В. Константинова в 1932 году родилась дочь, Ксения⁴², и время Александры Андреевны стало распределяться между работой по исследованию средневековых миниатюр и заботами о внучке. С началом войны племянник ушел на фронт, оставив жену и дочь на попечение «тетушек». О. П. Захарьина в это время готовила с сотрудниками второе издание «Инструкции по организации алфавитного каталога»⁴³.

Трудности осени и зимы 1941 — 1942 годов, ледяной мрак и голод Ольга Павловна и Александра Андреевна переносили героически. Зимой в квартире ниже этажом начался пожар от буржуйки, который перекинулся к ним. О. П. Захарьину с женой Д. В. Константиновой и их дочерью успели вывести во двор, а обессиленная голодом А. А. Константинова отказалась выходить. Захарьина с дворником, закрывшись брезентом, прорвалась в квартиру через полыхающий огонь и вывела подругу. Какое-то время они жили в дворничьей. Случайно добытый родственником кусок конины помог не погибнуть от голода. Захарьина водила внучку Константиновой в Публичную библиотеку, где мерзнувшие и голодные сотрудники старались утешить девочку. В блокадные вечера под всеми имеющимися дома одеялами и шубами Александра Андреевна пересказывала внучке любимые книги. Книги были друзьями, помогавшими перенести ужас тех дней.

Штат Публичной библиотеки к маю 1942 года сократился до 303 человек⁴⁴. Соответственно, сократилась и продолжала сокращаться в течение года численность сотрудников в каждом из отделов. Работа по обслуживанию читателей была перестроена: «ликвидированы пункты обслуживания читателей по отраслям знаний, организован один пункт выдачи при читальном зале в выставочном помещении <...>. Читатели стали обслуживаться круглосуточно, для чего было организовано круглосуточное дежурство сотрудников Библиотеки. Иногда при освещении фонарем „летучая мышь“ и при температуре – 40° снимали в ночь до 300 книг»⁴⁵. Кроме того, «каждый читатель был обязан, приходя на длительное время, приносить свечку, фонарь. Особенно после 18 часов»⁴⁶.

К концу 1941 года «работа в Отделе каталогизации из-за отсутствия света, тепла, из-за тесноты помещения замерла. Оставшиеся на разных стадиях обработки книги, сотни разрозненных путевок и отдельных экземпляров изданий оказались в хаотическом беспорядке»⁴⁷. 10 апреля 1942 года О. П. Захарьина

(ей было 70 лет) стала временно исполнять обязанности заведующей Отделом каталогизации. Его штат составлял в апреле 34 человека, к августу — 20. 15 августа 1942 года Ольге Павловне и ряду других сотрудников была объявлена благодарность «за самоотверженную работу по обеспечению сохранности фондов Библиотеки и обслуживанию книгой населения и воинских частей». С конца июля Захарьина принимала участие в спасении бесхозных

О. П. Захарьина

книжных собраний. В «Хронике войны» читаем, что «зимой 1943 года в помещении каталогов была температура -38° , и одна из сотрудниц отморозила руки»⁴⁸, «при 36-градусном морозе сотрудник Библиотеки два с половиной часа разыскивал по каталогам литературу для отряда медиков, отправляющегося на фронт»⁴⁹. В мае 1943 года в периодике был опубликован материал о сотрудниках библиотеки, где отмечалась работа Захарьиной⁵⁰.

Испытания блокадных месяцев уносили силы. В мае 1942 года умерла от голода Надежда Степановна, еще в конце 1941 г. приходившая повидаться с Ольгой Павловной и Александрой Андреевной. 31 декабря 1941 года она смогла придти к ним на улицу Рубинштейна (дом 23, квартира 107) от Спасо-Преображенского собора, где жила, принести макароны и при свете коптилки встретить с подругами новый год.

В 1943 году А. А. Константиновна попала в больницу с сердечной недостаточностью (характерный блокадный диагноз), от которой уже не оправилась и скончалась в феврале 1944 года.

30 декабря 1943 года дирекция Публичной библиотеки отметила благодарностью работу О. П. Захарьиной в связи с 20-летием ее службы. 28 января 1944 года по случаю снятия блокады состоялся митинг, где выступила и Ольга Павловна. В сборнике «Женщины города Ленина» (подписанном к печати в феврале) в статье Л. С. Франкфурт, ученого секретаря ГПБ, Захарьина названа в числе тех, кто спасал фонды и каталоги, занимался научной работой, собирал выморочные книжные собрания, создавал коллекцию «Ленинград в Великой Отечественной войне», отвечал на читательские запросы, сделанные как в залах библиотеки, так и на передовой⁵¹. Об активности и твердости духа О. П. Захарьиной свидетельствует «Хроника войны», где ее имя упоминается более 20 раз в связи с разнообразной деятельностью в стенах ГПБ. Так, например, с января по март 1944 года Отдел каталогизации, которым она руководила, обработал 4968 книг, 8566 единиц мелкого материала, зарегистрировал 4289 единиц периодики и 25610 единиц газет⁵².

Л. И. Олавская, вернувшаяся с началом войны в Чкалов, продолжала преподавать там немецкий язык, а с 1942 по 1945 годы заведовала учебной частью. Характеристики, данные ей администрацией школы, свидетельствуют: «она старалась добиваться высокого качества знаний у каждого ученика <...>, прекрасно зная свой предмет и безусловно владея методикой <...>, за этот период времени принесла много пользы для ученического и педагогического коллектива школы, не считаясь со своим временем»⁵³. Когда развернулась битва за Сталинград и фронт приблизился к Мелекесу, дирекция находившегося там филиала ГПБ обратилась к Олавской за консультацией по отбору наиболее ценных книг из иностранного фонда для дальнейшей эвакуации, и она помогла. Правда, фронт отодвинулся, фонды остались в Мелекесе. В августе 1945 года Лидия Иосифовна приехала по вызову ГПБ в Мелекес, где была зачислена в штат библиотеки. Осенью она с эвакуированными фондами вернулась в Ленинград, поселилась у Захарьиной и сразу приступила к пополнению собраний ГПБ иностранными изданиями. По немногословным записям личного дела видно, с каким жаром Лидия Иосифовна

окунулась в любимую работу. В 1945 — 1948 годах она руководила группой и сектором иностранного комплектования, ездила в Москву на выставку «Международная книга» для оформления заказов иностранной литературы для ГПБ. С 23 июля 1948 года Л. И. Олавская была заместителем заведующего Отделом комплектования, занималась научной работой по теме «Иностранные библиографические источники и их использование для комплектования советских библиотек» и подбором материала по истории Публичной библиотеки.

Когда ГПБ, по инициативе Л. Л. Ракова⁵⁴, учредила свою «Книгу почта», туда были занесены имена Захарьиной и Олавской. Общим были вручены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». О. П. Захарьина еще в феврале 1944 года получила также медаль «За оборону Ленинграда». 18 декабря 1948 года ГПБ отпраздновала 25-летие службы Ольги Павловны (всего же ее библиотечной деятельности к этому моменту насчитывалось, считая с ВЖК, сорок лет). В юбилейном докладе говорилось, что Захарьина является «многолетним руководителем, заслуженным труженником <...> и человеком редких душевных качеств <...>, ставшим образцом справедливости и деятельной доброты». Там же отмечались «беспредельная тщательность в работе, всестороннее сочетание научного анализа и практической целесообразности»⁵⁵.

В 1948 году Л. И. Олавская получила комнату в жилых флигелях библиотеки на Садовой, 18, где поселилась с сестрой, В. И. Гераковой, и ее дочерью. Однако 3 апреля 1950 года ее лишили ленинградской прописки. Это было связано с «ленинградским делом». 10 июля Лидия Иосифовна была вынуждена покинуть ГПБ. Она делала попытки вырваться из этой зловещей ситуации, восстановить справедливость, 9 декабря 1950 года даже написала письмо И. В. Сталину: «Я нахожусь в отчаянном положении: после 38-летнего стажа я, одинокий человек, потеряла работу, которой отдала свою жизнь. Совесть моя чиста, и повода для того, что меня постигло, нет»⁵⁶. Как ни удивительно, хлопоты Олавской дали положительные результаты. С января 1951 года в НКВД рассматривали ее дело, летом Лидия Иосифовна смогла приехать в Ленинград и вновь поселиться у О. П. Захарьиной на улице Рубинштейна. Но она не вернулась в ГПБ, а поступила на службу в Фундаментальную библиотеку Медицинского педиатрического института и стала заведовать ею — с июня 1951 г. по август 1971 г. Тем не менее Публичная библиотека осталась родным учреждением, и со многими из тех, кто работал в ней, Олавская сохранила дружеские связи. Наглядным подтверждением этому является фотография 1970 года⁵⁷, снятая в комнате О. П. Захарьиной и запечатлевшая, кроме Лидии Иосифовны, С. С. Казакевич⁵⁸, О. Б. Враскую,

Т. А. Быкову⁵⁹, Ц. А. Озерову⁶⁰, Б. Я. Бухштаба⁶¹. Самой Захарьиной на этой фотографии уже нет: она умерла в августе 1961 г. Последние годы службы в Публичной библиотеке Ольга Павловна участвовала в создании «репертуара русской книги», собирала материалы по истории каталогизации в ГПБ, разрабатывала методику каталогизации. В заявлении в Комиссию по персональным пенсиям 14 июня 1951 года О. П. Захарьина впервые в официальных бумагах упомянула о своем родстве с А. И. Герценом⁶². На пенсию она ушла 4 мая 1953 года.

Л. И. Олавская после 1974 года жила на Фонтанке, с семьей сестры. К концу жизни она ослепла и умерла в мае 1975 года.

Героини этого очерка принадлежали к замечательному сообществу русских интеллигентов, им в высокой степени был присущ «талант человеческий», и жизнь их соответствовала словам О. А. Добиаш-Рождественской: «Мы в это невероятно трудное время исполнили честно и сильно свой долг».

Примечания

¹ *Аверинцев С. С.* Опыт петербургской интеллигенции в советские годы — по личным впечатлениям // *Новый мир* (М.). 2004. № 6. С. 118 — 120.

² Надежда Степановна Враская (1878 — 1942) — историк. Ольга Павловна Захарьина (1871 — 1961) — историк, библиотеквед; в РПБ (ГПБ) с 1923 по 1953 годы. О ней см.: *Острой О. С., Эльзон М. Д.* Захарьина Ольга Павловна // *Сотрудники Российской национальной библиотеки...* Т. 2. С. 295 — 298. Александра Андреевна Константинова (1871 — 1944) — искусствовед; в ГПБ с 1926 по 1932 годы. О ней см.: *Эльзон М. Д.* Константинова Александра Андреевна // Там же. С. 356 — 357.

³ Иван Михайлович Гревс (1860 — 1941) — историк, литературовед, краевед, педагог.

⁴ Матерью Павла Александровича и Натальи Александровны была Акинья (Ксения) Ивановна Захарьина, фамилию которой они и носили. Подробнее см.: *Герцен А. И.* Былое и думы. М., 1988. Т. 1 — 2.

⁵ ОАД РНБ. Ф. 10/1, д. 1494. Л. 1.

⁶ Шифр — вензель, вручавшийся особо отличившимся выпускникам.

⁷ *Константинов Д. В.* Через туннель XX столетия. М., 1997. С. 2.

⁸ Там же. С. 21 — 22.

⁹ Софья Васильевна Тер-Петросян (урожденная Медведева, 1874 — 1964) — врач; внучка В. В. Стасова, жена С. А. Тер-Петросяна (Камо).

¹⁰ *Стасов В. В.* Письма к родным. Т. 3, ч. 2. С. 67.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 1148 (И. М. Гревс), оп. 1, д. 75. Л. 1.

¹² См.: *Wrasky, von, Nadeschda [S.]*. A. G. F. Rebmann: Leben und Werke eines Publizisten zur Zeit der grossen französischen Revolution. Heidelberg, 1907. 166 S. Андреас Георг Фридрих Ребман (1768 — 1824) — немецкий публицист, философ.

¹³ См.: *Konstantinova A. [A.]*. Die Entwicklung des Madonnentypus bei Leonardo da Vinci. Strassburg: J. H. E. Heitz, 1907. 56 S.

¹⁴ См.: ОР РНБ. Ф. 1421 (О. П. Захарьина, А. А. Константинова), оп. 1, д. 27.

¹⁵ Ньюма Дени Фюстель де Куланж (1830 — 1898) — французский историк.

¹⁶ Лидия Иосифовна Олавская (урожденная Новицкая, 1889 — 1975) — историк, библиотековед, библиограф; в РПБ (ГПБ) с перерывами с 1917 по 1950 годы. О ней см.: *Грин Ц. И.* Олавская Лидия Иосифовна // *Сотрудники Российской национальной библиотеки...* Т. 1. С. 390 — 392.

¹⁷ Цит. по: *Анциферов Н. П.* Из дум о былом. М., 1992. С. 491.

¹⁸ Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874 — 1939) — историк, палеограф; в РПБ (ГПБ) с 1922 по 1939 годы, член-корреспондент АН СССР (1929). О ней см.: *Воронова Т. П.* Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна // *Сотрудники Российской национальной библиотеки...* Т. 2. С. 253 — 257.

¹⁹ *Константинов Д. В.* Указ. соч. С. 24.

²⁰ Там же. С. 55.

²¹ *Враский С. Б.* Письмо от 8 октября 1917 года // Личный архив М. Б. Вербловской.

²² *Константинов Д. В.* Указ. соч. С. 59.

²³ Николай Иванович Кареев (1850 — 1931) — историк, педагог; профессор Императорского Санкт-Петербургского (Петроградского, Ленинградского государственного) университета и Высших женских (Бестужевских) курсов, член-корреспондент АН СССР (1925).

²⁴ Архив СПбГУ. Ф. 1, оп. ОК 1917 — 41, № 1, связка 19, д. 626, ст. 1771. Л. 10.

²⁵ Впервые И. М. Гревса уволили из университета в июле 1899 года, вернулся он туда в 1902 году. После повторного изгнания в 1923 г. Гревс вернулся в университет в сентябре 1934 года. См.: *Вахромеева О. Б.* Человек с открытым сердцем. СПб., 2004. С. 305. В 1924 году из университета была также уволена — за дворянское происхождение — племянница Н. С. Враской О. Б. Враская. В это время она посещала проводившийся Гревсом на дому семинар по медиевистике.

²⁶ Сергей Федорович Ольденбург (1863 — 1934) — востоковед, индолог; академик Императорской АН (1900), РАН (1917), АН СССР (1925).

²⁷ Ее муж, Борис Анатольевич Олавский (18?? — 1926), — охотовед.

²⁸ Михаил Леонидович Лозинский (1886 — 1955) — поэт, переводчик, библиограф; в ИПБ (РПБ, ГПБ) с 1914 по 1938 годы. О нем см.: *Эльзон М. Д.* Лозинский Михаил Леонидович // *Сотрудники Российской национальной библиотеки...* Т. 1. С. 327 — 329.

²⁹ Цит. по: *Грин Ц. И., Третьяк А. М.* Публичная библиотека глазами современников. СПб., 2003. С. 398, 400 (приведены два отрывка из «Октав»). Кроме Л. И. Олавской и О. П. Захарьиной, в процитированном тексте назван ряд сотрудниц библиотеки. Лидия Александровна Загорина (урожденная Кеппен, 1880 — 1945); в ИПБ (РПБ, ГПБ) с 1898 по 1945 годы. О ней см.: *Грин Ц. И.* Загорина (Кеппен) Лидия Александровна // *Сотрудники Российской национальной библиотеки...* Т. 1. С. 219 — 220. Елизавета Васильевна Пигулевская (1888 — 1958); в РПБ (ГПБ) с 1921 по 1951 годы. О ней см.: *Аргутинская Н. К.* Пигулевская Елизавета Васильевна // Там же. Т. 2. С. 493 — 494.

Вера Павловна Шмидт (1885 — 1958); в ИПБ (РПБ, ГПБ) с 1907 по 1953 годы. О ней см.: *Грин Ц. И.* Шмидт Вера Павловна // Там же. Т. 1. С. 587 — 588. Шарлотта Рудольфовна Штейнман (1903 — 19??); в РПБ (ГПБ) с 1919 по 1929 годы. О ней см.: *Вахтина П. Л.* Штейнман Шарлотта Рудольфовна // Там же. Т. 2. С. 647 — 648. Нина Алексеевна Крыжановская (1895 — 1959); в ГПБ с 1925 по 1935 годы. О ней см.: *Вольфшун Л. Б.* Крыжановская Нина Алексеевна // Там же. С. 373 — 375.

³⁰ Ольга Борисовна Враская (1905 — 1985) — искусствовед, книговед, библиограф; в ГПБ с 1925 по 1976 годы. О ней см.: *Ландер И. Г.* Враская Ольга Борисовна // Там же. С. 179 — 182.

³¹ *Враская О. Б.* Воспоминания (ПБ 1925 — 1936 гг.) // Личный архив М. Б. Вербловской.

³² Библиотечное обозрение. 1926. Кн. 1 — 2. С. 131 — 134.

³³ *Гревс И. М.* Письмо к Е. Я. Руденской // *Вахромеева О. Б.* Указ. соч. С. 204.

³⁴ Мария Эдуардовна Орловская (1893 — 1942) — библиотековед; в ГПБ с 1928 по 1942 годы. О ней см.: *Острой О. С.* Орловская Мария Эдуардовна // *Сотрудники Российской национальной библиотеки...* Т. 2. С. 478 — 480.

³⁵ Бернгард Рудольфович Зельцле (1897 — 1942) — библиотековед; в ГПБ с 1928 по 1942 годы (в 1940 — 1942 годах заместитель директора библиотеки). О нем см.: *Суворова В. П.* Зельцле Бернгард Рудольфович // Там же. С. 301 — 304.

³⁶ *Враская О. Б.* Указ. соч.

³⁷ ОАД РНБ. Ф. 16, оп. 1, д. 8. Л. 56 — 57.

³⁸ Мечислав Михайлович Добраницкий (1882 — 1937) — юрист, дипломат; в ГПБ с 1930 по 1936 годы (директор библиотеки). О нем см.: *Чурсин В. Д.* Добраницкий Мечислав Михайлович // *Сотрудники Российской национальной библиотеки...* Т. 2. С. 257 — 261.

³⁹ ОАД РНБ. Ф. 16, оп. 1, д. 8. Л. 58 — 59.

⁴⁰ Муж В. И. Гераковой, Николай Гераков (18?? — 1925), был расстрелян по «делу лицистов».

⁴¹ «Li tresors...» of Brunetto Latini. Chicago, 1937. См.: *Сотрудники Российской национальной библиотеки...* Т. 2. С. 357. Брунетто Латини (1210 — 1294) — итальянский поэт, ученый, государственный деятель.

⁴² Ксения Дмитриевна Толмачева (род. 1932) — библиотековед; в ГПБ (РНБ) с перерывами с 1956 по 1997 годы.

⁴³ Под общей редакцией Б. Р. Зельцле. Издание в свет не вышло.

⁴⁴ В память ушедших, во славу живущих: Хроника войны. СПб., 1995. С. 88.

⁴⁵ Там же. С. 89 — 90.

⁴⁶ Там же. С. 102.

⁴⁷ Там же. С. 90.

⁴⁸ Там же. С. 200.

⁴⁹ Там же. С. 109.

⁵⁰ Там же. С. 230.

⁵¹ Там же. С. 314.

⁵² Там же. С. 329.

⁵³ ОАД РНБ. Ф. 16, оп. 1, д. 8. Л. 119, 135.

⁵⁴ Лев Львович Раков (1904 — 1970) — историк, педагог; в ГПБ с 1947 по 1950 годы (директор библиотеки).

⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 1421 (О. П. Захарьина, А. А. Константинова), оп. 1, д. 4. Л. 1.

⁵⁶ ОАД РНБ. Ф. 16, оп. 1, д. 8. Л. 78.

⁵⁷ См.: *Грин Ц. И., Третьяк А. М.* Указ. соч. С. 613.

⁵⁸ Сусанна Семеновна Казакевич (1900 — 1985); в ГПБ с перерывами с 1927 по 1977 годы. О ней см.: *Ландер И. Г.* Казакевич Сусанна Семеновна // *Сотрудники Российской национальной библиотеки...* Т. 3. С. 256 — 257.

⁵⁹ Татьяна Александровна Быкова (1893 — 1975) — библиограф, книговед, переводчик; в ГПБ с 1930 по 1974 годы. О ней см.: *Ткаченко М. И.* Быкова Татьяна Александровна // Там же. Т. 2. С. 149 — 154.

⁶⁰ Циля Абрамовна Озерова (род. 1909) — библиотековед; в ГПБ с 1929 по 1968 годы. О ней см.: *Грин Ц. И.* Озерова Циля Абрамовна // Там же. С. 471 — 475.

⁶¹ Борис Яковлевич Бухштаб (1904 — 1985) — филолог, книговед, библиограф; в ГПБ с перерывами с 1926 по 1946 годы. О нем см.: *Эльзон М. Д.* Бухштаб Борис Яковлевич // Там же. С. 145 — 149.

⁶² ОАД РНБ. Ф. 10/1, д. 1494. Л. 28.